

Смена-6-№. 1993, — 20 марта. — с. 2

ОН ЛЮБИЛ ВСЕРЬЕЗ СВОЮ ГЕОЛОГИЮ. А ЕГО ЛЮБИЛА ПОЭЗИЯ

СЕГОДНЯ АЛЕКСАНДРУ ГОРОДНИЦКОМУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 60 ЛЕТ

Саша Городницкий охотно вспоминает, как мы с ним познакомились. Как, оказавшись в Красноярске, он приехал на правый берег Енисея, где я тогда жила. Шел шестьдесят второй, кажется, год... Сашино воспоминание прекрасно: «Солнце бьет в окна, на крашеном полу лежат пятна света и листки какой-то рукописи, а ты ходишь по ним босиком и в голубых брюках...»

А в моей памяти не сохранились детали, зато навсегда сохранилось ощущение удивительной подлинности и полноты, исходящее от человека, имя которого было уже известно. По-настоящему красивый, во-первых... Как ни подсовывала нам советская кинематография в качестве идеала современного мужчины простоватых симпатий — нос лапотком, ушки топориком, зато сердце золотое — внешняя красота не переставала быть «страшной силой».

Во-первых, настоящий геолог. Который, чтобы произвести должное впечатление, не нуждается ни в сбитых кирзачах, ни в прожженном

ватнике, ни в маргинальной лексике.

Свою мужественную профессию Городницкий выбрал сознательно и навсегда, кстати, и преуспел в ней по самым строгим меркам авторитета и карьеры. Вообще мы на заре нашей туманной юности по преимуществу выбирали профессии уважаемые, вступали с ними в «брак по любви» и если уж уходили от них в литературу, то составлялись нелегко. А вот подражаться на скучное полутайное содержание к дворничьим метлам и кочегарским лопатам как-то было не в обычае. Сейчас и в этом порой прозревают черты конформизма. Ладно, нас не забудет...

Итак, Саша Городницкий любил всерьез свою геологию, потом океанологию. А его любила Поэзия и гонялась за ним неотступно по тундрам и морям, и шептала ему на ухо сладкие речи, когда он корпел над отчетами и диссертациями. Ведь Поэзия — женщина, а настоящая женщина бегаёт за тем, кому слегка те до нее, кто занят

мужским серьезным делом. Собачья же преданность может и утомить, и наскучить... Но это — мое личное мнение.

Естественная полнота бытия пронизывает, как мне кажется, всю жизнь Городницкого. И она же — лейтмотив его песен, старых и новых, и горьких, вроде «От злой тоски», и пафосных типа «Атлантов», и каких-нибудь вовсе озорных — про «жену французского посла», например. Потому и полюбились эти песни сразу, массово, горячо, потому и не ржавеет любовь к ним, и не помеха ей другие времена и другие имена.

Четыре года назад, предвзялая подборку своих стихов в сборнике «То время — эти голоса. Ленинград. Поэты оттепели», Городницкий писал: «Главными событиями в моей жизни... явились смерть Сталина и XX съезд партии... Рухнул идол, завалив своими обломками все жизненное пространство». Рискну уточнить: это теперь мы видим и осознаем, что пространство завалено на много

лет вперед. И то, что мы считали мертвым камнем, обнаруживает опасные черты органики... В конце же пятидесятых обвал произошел как бы за нашими спинами, под обломками представлялось в основном прошлое.

В этом кратком авторском предисловии трогает одна деталь. Мироззренческие перемены напрямую связываются с личными впечатлениями от увиденного и пережитого. «Я увидел мертвые «зоны»... ржавые паровозы, утонувшие в болотах... безымянные «братские» кладбища, размытые половодьями. Для меня начала открываться изнанка сталинской империи». То есть добрался человек до самого Крайнего Севера. Нагляделся всякого под завязку, ноги сбивал, душой ушибался... И для него нечто «начало открываться!»

Мы, нынешние, куда шустрее: чуть что новое «стало известно», мы уже и развернулись на сто восемьдесят, мы уже и сами — новее некуда.

В конце восьмидесятых, составляя уже упоминавшийся

коллективный сборник «То время — эти голоса», я, признаюсь, открыла для себя несколько нового Городницкого, серьезного литератора глубокой культурологической ориентации, мастера с четким профессиональным почерком, спокойного и мудрого. И все-таки Саша — это песня, это гитара, это его верный соратник на эстраде Миша Кане, это праздник, даже если поется о серьезном и горьком. То, о чем спето, уже отчасти приурочено...

В конце февраля отмечало свой юбилей кафе «Молекула», возникшее тридцать лет тому назад в Институте молекулярных соединений. Его гостями кто только не побывал за эти годы: писатели, ученые, актеры. «Иных уж нет, а те — далече...» Но вечер, по-моему, доставил много приятных, веселых минут и хозяевам, и приглашенным. «На сладкое» приберегли Александра Хочинского, с гитарой. Он спел что-то из Кима, что-то из Окуджавы... И, наконец, песню, автора которой вычислили не сразу, песню с рефреном

«Не разбирай баррикады у Белого дома». На слова Александра Городницкого.

И вот что интересно! В зале сидели, как говорится, очень непростые люди. И очень разные. Отношение к августовским событиям девяносто первого года меняется в нашем сознании то в одну, то в другую сторону, вожди блекнут, исторический смысл расплывается... А песню приняли на ура. Она пришлась по сердцу — всею, и каждый слушатель нашел в песне свое. Мне, например, думалось: да, нельзя «разбирать баррикады», оставляя без защиты то, что однажды вознесло и просветлило твою душу. Если что-то хоть на миг было для тебя воистину свято, не смеешь отдавать его на поругание. И кумиры покачнутся, и подоплека вылезет, и вера окажется обманутой. Но душа, познавшая взлет, останется душой, познавшей взлет. Такая способна многое вынести, не уронив себя, и многому противостоять.

Майя БОРИСОВА

Фото Юрия БОГДАНОВА

